

онов, в которых было сосредоточено до 130 орудий, не считая мелких огневых точек. Командир отряда прорывавшихся кораблей капитан-лейтенант Кринов надеялся на своих моряков—краснофлотцев и командиров. Первыми шли бронекатера лейтенанта Шулика; они промчались далеко вперед, быстро легли на обратный курс и поставили дымовую завесу. Румыны открыли бешеный заградительный огонь. Отстреливаясь из всех орудий, наши корабли прошли под самым румынским берегом без потерь. Во время этого прорыва высокий героизм показал рулевой бронекатера коммунист Щербаха. В бою ему раздробило бедро, но Щербаха нашел в себе силы не оставить своего поста. Он стоял у штурвала, выполняя приказания командира до тех пор, пока катер не вышел из боя. Только тогда он обернулся к командиру, еле слышно доложил: «Управляться не могу»,—и медленно сполз по штурвалу на палубу. Когда Щербаху подняли, он был мертв.

Уже в эти первые дни войны ярко выразилась характерная для черноморцев черта: особая слаженность всех родов оружия флота, тесное взаимодействие с сухопутными частями. В боях на Дунае корабли Дунайской флотилии поддерживали огнем сухопутные части, черноморская авиация одинаково активно действовала по морским и сухопутным целям. Флот с первых же дней войны успешно содействовал флангу сухопутной армии. Это взаимодействие еще более окрепло в последующих боях—в дни героической обороны Одессы и Севастополя, в дни защиты Кавказа, в дни наступления на фашистскую нечисть.